

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Е.Н. Глазунова*

ГУАНТАНАМО: ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Решение об учреждении тюрьмы на базе ВМС США в Гуантанамо, принятое президентом Дж. Бушем-мл. вскоре после событий 11 сентября 2001 г., стало частью объявленной им комплексной программы по борьбе с терроризмом. Пользуясь прерогативой исполнительной власти «по защите страны от террористов», глава администрации также распорядился присвоить заключенным особый статус — «вражеских комбатантов» и создать для них специальные судебные органы — военные комиссии. На протяжении всех лет президентства Дж. Буша-мл. различные международные организации стремились привлечь внимание мировой общественности к фактам нарушения прав личности, чрезвычайно суровым условиям содержания и бесчеловечному обращению с заключенными в Гуантанамо. Во время предвыборной кампании 2008 г. кандидат от Демократической партии Б. Обама пообещал закрыть тюрьму. Вступив в январе 2009 г. в должность президента, он без промедлений начал процесс выполнения своего обещания, однако его усилия натолкнулись на решительное сопротивление со стороны Конгресса. В результате намерение администрации «покончить с черной дырой» в Гуантанамо по сей день остается нереализованным. Автор объясняет причины, которые заставили Б. Обаму отступить от намеченной цели, и раскрывает сложнейшее переплетение политических, юридических, моральных и, наконец, организационно-технических вопросов, характеризующее сегодняшнюю проблему Гуантанамо.

Ключевые слова: США, война с терроризмом, тюрьма в Гуантанамо, «вражеские комбатанты», военные комиссии, права человека, Женевские конвенции, Конвенция 1984 г. против пыток, Верховный суд США, администрация Дж. Буша-мл., администрация Б. Обамы, безопасность.

Казалось бы, совсем недавно о том, что на Кубе существует провинция под названием Гуантанамо, у нас в стране знали даже дети. Незамысловатый и ритмичный мотив «Гуантанамеры» — песенки о далеком крае, где живут самые красивые девушки, — напевали во всех республиках необъятного Советского Союза. О том, что всего в 15 км от «земли, где высятся пальмы», находится военно-морская база США, простые советские люди не знали, да и не хотели бы знать. У нас было принято гордиться (причем вполне

* Глазунова Елена Николаевна — к.и.н., доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lng@fmp.msu.ru).

искренне) успехами Острова свободы, и присутствие американцев совсем не вписывалось в эту чуть ли не с рождения привитую нам романтическую концепцию восприятия далекой героической страны. Вряд ли кто-то из представителей старшего, среднего и даже молодого поколения мог тогда предположить, что пройдет каких-то 20-30 лет и от прежней романтики останется лишь легкая дымка — о Кубе мы будем вспоминать реже и, что важнее, совсем иначе. Без обиды за тех, кем восхищались, будем читать статьи о том, что символом национального развития Кубы, как и 100 лет назад, является все тот же сахарный тростник, и со снисходительной улыбкой станем слушать рассказы наших детей, вернувшихся из популярной нынче туристической поездки, в которой они с восторгом фотографировали разъезжающие по дорогам страны американские и советские автораритеты. И уж точно тогда никто не мог предположить, что красивое и мягкое сочетание звуков «Гуантанамо» станет таким жестким и обретет противоположный, почти зловещий смысл. Однако так случилось: вот уже 10 лет этим именем называют тюрьму, в которой содержат самых опасных преступников XXI в. — международных террористов.

Решение о создании тюрьмы на территории базы ВМС США в Гуантанамо стало частью антитеррористической программы администрации Дж. Буша-мл. Тюрьма начала функционировать 11 января 2002 г., когда туда была доставлена первая группа заключенных — 20 захваченных в Афганистане предполагаемых террористов, участвовавших в боевых действиях на стороне исламских экстремистов. Заключенных разместили в сооруженных на открытом воздухе клетках с бетонными полами. Через шесть дней тюрьму впервые посетили представители «Красного Креста», сразу обратившие внимание на чрезвычайно суровые условия содержания людей.

Вскоре различные международные организации стали все настойчивее говорить о нарушениях прав человека в Гуантанамо. Таким образом, политический и моральный аспекты вопроса сосуществовали с самого начала. Однако с определенного момента внимание американской и мировой общественности больше стала привлекать политическая сторона дела. Как обычно, проблема обострилась в канун очередных президентских выборов.

24 июня 2007 г. кандидат в президенты США сенатор-демократ Барак Обама в г. Сан-Антонио, штат Техас, впервые заявил о своем намерении закрыть тюрьму на Кубе и восстановить в отношении ее заключенных действие Habeas Corpus Act [43]¹. На протяжении последующих полутора лет проблема Гуантанамо стала одним из

¹ Habeas Corpus Act — принятый английским парламентом в 1679 г. и впоследствии вошедший в Конституцию США закон о свободе личности, согласно которому никто без решения суда не может подвергнуть кого-либо задержанию или аресту.

основных брендов предвыборной кампании демократов, легко узнаваемым символом политики «больших перемен», которые они обещали американскому электорату, поэтому не было ничего удивительного в том, что и в самих Соединенных Штатах, и во всем мире с особенным интересом наблюдали за тем, как новая власть будет свои обещания выполнять.

С момента первых заявлений прошло четыре года, а «воз и ныне там». Более того, сегодня можно со всей определенностью сказать, что в обозримом будущем он и не сдвинется. Многочисленным критикам американского президента (как в самих Соединенных Штатах, так и за их пределами) это на руку: обещаний было много, но не выполнено даже самое, казалось бы, простое — закрыть тюрьму. Неудача с Гуантанамо для многих (и это не в последнюю очередь касается российских политиков и экспертов-международников) стала желаемым результатом, способствующим развенчанию утвердившегося поначалу «слишком» благоприятного имиджа нового президента США.

Не задаваясь целью в очередной раз подвергнуть действующую американскую администрацию критике «за серьезный политический просчет» или, наоборот, «оправдать» президента, мы попытаемся понять, *почему* Б. Обама пришлось отступить и в силу каких обстоятельств решение о закрытии тюрьмы осталось невыполненным. В настоящей статье мы постараемся показать читателю, что Гуантанамо — это не просто тюрьма для особо опасных преступников, закрытие которой зависит от чьего-то желания или политической воли, а сложнейшее переплетение политических, юридических, моральных и, наконец, организационно-технических проблем, без понимания масштаба которых очень трудно прийти к объективным выводам.

* * *

История «сегодняшней» провинции Гуантанамо началась в позапрошлом веке. Вскоре после испано-американской войны 1898 г. Соединенные Штаты на договорных началах арендовали у Кубы территорию для базы ВМС США. Условия аренды, осуществлявшейся на правах экстерриториальности, были подтверждены соглашением 1934 г., которое по сей день регламентирует статус базы и позволяет Вашингтону фактически в полном объеме осуществлять государственный суверенитет на данной территории, поскольку юрисдикция Кубы носит здесь чисто формальный характер.

После победы революции 1959 г. Куба отказалась принимать от США плату за аренду базы, но избавиться от присутствия американцев новому режиму оказалось непросто. Договор 1934 г. был бессрочным и подлежал расторжению только в двух случаях: либо

по обоюдному согласию сторон, либо при нарушении условий аренды. В 2002 г., после того как администрация Дж. Буша-мл. приняла решение открыть на территории базы тюрьму, правительство Ф. Кастро, заявив о нарушении условий аренды, попыталось расторгнуть договор и добиться эвакуации базы. Попытка кубинцам не удалась, а в истории Гуантанамо начался совершенно новый период. Вскоре о ней заговорил весь мир.

* * *

Задачами войны с терроризмом, объявленной в сентябре 2001 г., ее архитекторы — президент Дж. Буш-мл. и вице-президент Р. Чейни (основной идеолог этой кампании) видели предотвращение атак, подобных тем, что случились 11 сентября, и доведение борьбы с главным злом XXI в. до победного конца. С точки зрения республиканской администрации, ставки в этой войне были очень высокими, а необычайная жесткость ее стратегии и тактики — вполне оправданной.

Юридическим обоснованием нового политического курса США стал принятый Конгрессом антитеррористический закон, наделявший президента особыми полномочиями по использованию военной силы [2]. Закон, безусловно, занял особое место в американской правовой и политической истории. Во-первых, сразу же обращала на себя внимание его безапелляционная, даже воинственная тональность, необычная для документа, жанр которого предполагает использование сухого юридического языка. Во-вторых (и это, конечно, главное), сам факт предоставления исполнительной власти *carte blanche* на использование военной силы, до той поры не так часто встречавшийся в американской истории, подчеркивал исключительность и экстремальность ситуации. Совершенно очевидно, что содержание этого документа и его тональность отражали то шоковое состояние, в котором американское общество находилось после пережитой катастрофы.

Согласно закону, президент мог «использовать всю необходимую силу против тех стран, организаций и частных лиц, которые планировали, осуществляли руководство, были исполнителями или содействовали террористическим атакам» против США [2]. В период с ноября 2001 г. по март 2002 г., пользуясь прерогативой исполнительной власти «по защите страны от террористов», Дж. Буш-мл. распорядился издать ряд указов, касающихся учреждения тюрьмы для особо опасных преступников, определения их статуса и создания специальных судебных органов — военных комиссий [26; 42]. Содержание данных документов раскрывало позицию администрации в отношении тех, кого она считала террористами. Эту позицию можно пояснить фразой Р. Чейни о том, что речь шла не просто

о плохих людях, а о «худших из худших», «чрезвычайно опасных» и «одержимых идеей убить миллионы американцев» преступниках [6, р. 355].

Именно в процессе реализации указов Дж. Буша-мл. и было сформировано ядро проблемного узла, который пытался распутать нынешний президент США. По всей видимости, и рассматривать вопрос о Гуантанамо следует в тех параметрах, которые были заданы администрацией республиканцев. Это позволяет обозначить как минимум три взаимосвязанных компонента проблемы. Первый касается юридического статуса заключенных, второй — вопроса о нарушениях прав человека в процессе расследования предполагаемых преступлений, третий — соотношения прерогатив исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти США.

По признанию Р. Чейни, учредить тюрьму на военной базе в заливе Гуантанамо чиновники Министерства обороны решили не только потому, что там было «свободное и удобное место». «Этот выбор, — писал бывший вице-президент в своих мемуарах, — отчасти был продиктован Министерством юстиции, объяснившим, что их [заключенных. — *Е.Г.*] содержание вне территории Соединенных Штатов преградит им доступ к американским судам» [6, р. 354]. Конституция США гарантирует равную для всех находящихся в стране (независимо от гражданства) правовую защиту, поэтому сам факт содержания пленников иностранного происхождения вне территории Соединенных Штатов автоматически выводил их из сферы действия американской системы правосудия.

Президентским указом от 22 января 2002 г. для подозреваемых в терроризме заключенных был определен совершенно особый статус «незаконных/вражеских комбатантов»² (*unlawful/enemy combatants*). Они в подавляющем большинстве не были американскими гражданами и в то же время не могли быть «обычными», представляющими какое-либо суверенное государство врагами (хотя бы потому, что США не находились с кем-либо в состоянии войны), поэтому Вашингтон рассматривал их как «частных террористов» (*private terrorists*). Изобретение нового термина позволяло администрации решить сразу несколько задач. Присвоение заключенному статуса боевика (вне зависимости от гражданства) означало, что его дело не мог рассматривать ни гражданский, ни военный суд США. Для задержанных и доставленных в Гуантанамо лиц были созданы специальные суды — военные комиссии, находившиеся в ведении Министерства обороны [42]. В силу действия закона о применении военной силы против террористов заключенный, признанный «вражеским комбатантом», фактически мог находиться в заточении

² Иногда в русскоязычном переводе можно встретить термин «боевик».

бессрочно и без предъявления официальных обвинений. Он не имел права на адвоката. Таким образом, это был очень удобный статус, позволявший удерживать предполагаемых опасных преступников столько, сколько потребуется.

Изобретенный юристами команды Буша—Чейни термин должен был также провести разграничительную линию между военнопленными и узниками Гуантанамо, чтобы вывести последних из сферы действия Женевских конвенций 1949 г. В результате получалось, что ни положения американской Конституции, ни нормы международного права на этих заключенных не распространялись. Фактически их судьбы, начиная с захвата в любой точке земного шара и заканчивая заточением на неопределенный срок (поскольку военные комиссии долгое время к работе не приступали), по своей воле мог решать один человек — глава исполнительной власти.

По вопросу о присвоении статуса «вражеского комбатанта» администрация посчитала необходимым выступить с разъяснениями. Выглядели они весьма путаными. «Президент, — отмечено в одном из заявлений Белого дома, — определил, что положения Женевских конвенций распространяются на заключенных, воевавших на стороне движения “Талибан”, но не на лиц, связанных с “Аль-Каидой”. “Аль-Каида” не может быть объектом Женевских конвенций, поскольку является международной террористической группировкой, поэтому ее члены не попадают в категорию военнопленных. <...> Однако в соответствии с положениями Женевских конвенций заключенные, связанные с движением “Талибан”, не могут квалифицироваться как военнопленные. Таким образом, ни талибам, ни членам “Аль-Каиды” не может быть присвоен статус военнопленных. Вместе с тем <...> проводимая в отношении этих заключенных политика гарантирует им многие из тех преимуществ, которые распространяются на военнопленных» [4]. Впоследствии Белый дом не раз выступал с заявлениями с целью подчеркнуть особый статус боевиков. Это обстоятельство имело для республиканцев большое значение. В администрации считали, что допросы с применением «дополнительного воздействия» — единственный эффективный способ получить информацию от «худших из худших». СМИ даже сообщали о том, что президент подписал секретный указ, разрешив ЦРУ допрашивать заключенных тюрем, находящихся за пределами США, с «беспрецедентной жесткостью».

Однако стремление команды Буша—Чейни убедить общественность в том, что особый статус заключенных Гуантанамо позволяет применять по отношению к ним методы физического воздействия (иначе говоря — пытки), вызвало неоднозначную реакцию в американском обществе. Отметим сразу, что каких-либо значимых официальных дебатов в Конгрессе по этому вопросу не было —

передав полномочия по борьбе с терроризмом исполнительной власти, высший законодательный орган США долгое время фактически оставался вне поля принятия решений по проблеме Гуантанамо. Тем не менее информация о пытках, которая периодически просачивалась в прессу, будоражила общественное мнение и привлекала все большее внимание различных гражданских групп США и международных правозащитных организаций.

Начало серьезным баталиям по вопросу о правах заключенных Гуантанамо было положено в феврале 2002 г., когда одним из таких общественных движений, мало кому известным «Центром борьбы за конституционные права», от имени трех арестованных (Д. Хикса, Ш. Расула и А. Икбала) был подан иск в окружной суд Вашингтона о незаконном лишении свободы. Дело, известное как «Расул против Буша», а также иск заключенного Я. Хамди, американского гражданина, стали первыми из целой цепи судебных процессов узников тюрьмы против властей США. В истории Гуантанамо они обозначили важную веху.

Во-первых, проблема незаконного заточения и пыток людей стала предметом политического и медийного дискурса как в Соединенных Штатах, так и за их пределами. Во-вторых, администрации Дж. Буша-мл., наделенной Конгрессом всей полнотой полномочий по данному вопросу, пришлось столкнуться с действием американской системы «сдержек и противовесов» в лице судебной власти, которая, согласно Конституции США, имеет право интерпретировать законы, в первую очередь указы правительства. И несмотря на то что решения Верховного суда касались конкретных случаев и конкретных лиц, они, безусловно, создали республиканскому руководству известные проблемы.

Команда Буша—Чейни осознавала необходимость подведения под содержание заключенных в Гуантанамо более «основательной» правовой базы. Задача была не из простых. Так, довольно неуклюжие попытки обойти Женевские конвенции не исчерпывали вопроса, ведь после 1949 г. был принят еще целый ряд международных документов по правам человека, отдельные статьи которых касались именно проблемы пыток. Можно было долго оперировать путанными рассуждениями о статусе военнопленных, но вернуться от обвинений в нарушении, например, Конвенции 1984 г., запрещающей пытки «при любых обстоятельствах» [7], или Полевого устава армии США [38] администрации было сложнее.

Между тем проблема получения информации от заключенных действительно существовала. Как заявлял в прессе Р. Чейни, из разнообразных источников американцы знали, что многие привезенные в Гуантанамо боевики обладали сведениями, которые могли оказать неопределимую помощь в противостоянии террористам и по-

имке их лидеров. Сотрудничать со следствием задержанные отказывались. По мнению администрации, единственный выход из этой ситуации заключался в том, чтобы доказать общественности, что, во-первых, более «жесткие» приемы допросов диктуются интересами национальной безопасности США, а во-вторых — что применяемые к заключенным «методы воздействия» пытками не являются.

Над решением этой задачи трудился не один десяток правозащитников, при этом администрация предпочитала обращаться к военным юристам. Так, подполковник армии США Д. Бивер получила задание «преодолеть ограничения», предписанные Полевым уставом армии США в отношении использования силовых методов, оказания психологического давления, оскорблений и т.д. Подготовленный ею доклад, ставший образцом юридической казуистики (не говоря уже о том, что он сам по себе попирает все известные нормы международного права), как видно, вполне устраивал заказчика. Главная его мысль сводилась к тому, что в отношении «сопротивляющихся следствию» допустимо использование «более агрессивных техник допроса». Особенно удивительным был пассаж Д. Бивер о том, что положения международных конвенций к боевикам не применимы, поскольку... «техники допроса оговорены *внутренним* законом Соединенных Штатов» (курсив наш. — *Е.Г.*) [36, р. 226]. По заключению военного юриста получалось, что Полевой устав армии США не может быть помехой, поскольку основан на тех же Женевских конвенциях.

Незадолго до подготовленного Д. Бивер доклада на стол советника Белого дома по юридическим вопросам А. Гонсалеса лег еще один заслуживающий внимания документ. Его автором был помощник генерального прокурора Дж. Байби. В фокусе этого меморандума находилась проблема «жестких допросов», которые ЦРУ практиковало в отношении связанных с «Аль-Каидой» заключенных. Поясним, что к узникам Гуантанамо, которых в США считали наиболее опасными, применяли различные виды пыток. Самыми распространенными были известная со времен инквизиции «имитация утопления» (waterboarding), обливание ледяной водой, пытка бессонницей, так называемая сенсорная депривация (лишение органов чувств внешнего воздействия) и многое другое. Р. Чейни неоднократно отрицал тот факт, что заключенных в Гуантанамо пытают. Если учесть, что утверждения вице-президента были основаны на заключениях нанятой им команды юристов, то он действительно не лукавил. Подтверждением тому может служить упомянутый меморандум Дж. Байби, изуверство и цинизм которого поражают. Можно предположить, что в архивах не всякого тоталитарного режима прошлого века найдется документ подобного содержания,

а уж в демократической Америке он просто должен стать экспонатом для кунсткамеры. Квалифицируя методы воздействия на заключенных (по принципу «пытка — не пытка»), автор подготовленного для Белого дома меморандума заявлял, что в качестве главного критерия допустимости того или иного способа допроса должна быть принята степень «интенсивности физической боли». По мнению Дж. Байби, пыткой являются лишь действия, причиняющие «боль такой интенсивности, которая сопровождается физические повреждения, ведущие или к смерти, или к отказу каких-либо органов». Таким образом, все действия, которые сопровождаются болью «меньшей интенсивности», пыткой быть не могут [36, р. 81—117].

В октябре 2002 г. на основании этого теоретико-методологического руководства по применению «дополнительных техник» дознания подполковник армии США Дж. Фифер разработал специальный «план допроса» узников Гуантанамо. «Дополнительные техники» были разбиты военным юристом на три категории. В рамках первой на заключенных можно было кричать и прибегать к различным хитроумным и обманным уловкам (обещаниям, посулам в обмен на нужную информацию). Вторая «разрешала» создавать для узников Гуантанамо «стрессовые положения», например заставлять их стоять в течение 4 часов, изолировать на срок до 30 дней, использовать в работе с ними фальсифицированные документы, непрерывно допрашивать в течение 28 часов и т.д. И, наконец, в третьей «категории» Дж. Фифер описал сценарии допросов, по которым заключенному можно было угрожать расправой с ним или членами его семьи, унижать его, а также, «закрыв полотенцем его лицо, лить на него воду, создавая имитацию утопления» [36, р. 227—228].

Не следует думать, что все эти документы были необходимы администрации Буша—Чейни лишь для того, чтобы, сославшись на них, отбиться от нападков общественности. В действительности они служили практическим руководством для реализации установок Белого дома: назначенная министром обороны США Д. Рамсфелдом рабочая группа, в состав которой вошли армейские юристы, а также правоведаы из ВВС и ВМС США, готовившая специальные «стратегии допросов во время глобальной войны с террором», строго следовала этим рекомендациям [46].

На всем протяжении президентства Дж. Буша-мл. международные организации, такие как «Human Rights Watch», «Amnesty International» и т.д., пытались привлечь внимание мирового сообщества к проблеме нарушения прав человека в Гуантанамо, обвиняя американское правительство в том, что оно фактически «освободило» себя от соблюдения норм международного права [см., например: 35]. Однако эта критика не производила должного впечатления ни на президента, ни на его основного помощника в войне с терро-

ризмом Р. Чейни. Значительно более серьезным препятствием на пути реализации их планов, как уже было отмечено, стал американский суд. Своеобразная дуэль исполнительной и судебной власти США продолжалась практически беспрерывно, часто по одной и той же схеме: если окружной суд выносил решение против администрации, то апелляционная инстанция его отменяла, а Верховный суд в конечном итоге признавал действия исполнительной власти неконституционными. Хроника этого противостояния с последующим «подключением» к нему Конгресса США помогает понять всю сложность и противоречивость формировавшейся на протяжении всех этих лет проблемы вокруг тюрьмы.

Дело «Хамди против Рамсфелда», которое специалисты считают более простым случаем, поскольку истец был гражданином США (петицию от имени заключенного в федеральный суд восточного округа Виргинии подал отец узника Гуантанамо — И. Хамди,), в то же время интересно тем, что задало будущим судебным разбирательствам тот «антипрезидентский» вектор, который потом прослеживался на протяжении всех лет правления администрации Дж. Буша-мл. В процессе долгого «хождения» этого дела по инстанциям (апелляционный суд неоднократно возвращал его на пересмотр) юристы отстаивали положение о том, что заключенные Гуантанамо, несмотря на свой неопределенный с точки зрения американского правосудия статус и иностранное происхождение, имеют «отдельные» оговоренные Habeas Corpus Act права [20]. Во всяком случае, в декабре 2003 г. австралиец Д. Хикс стал первым заключенным, которому было предоставлено право на защиту.

28 июня 2004 г. Верховный суд США, рассмотрев дело Ш. Расула, 6 голосами против 3 вынес решение в пользу истцов. Судьи согласились с аргументацией адвоката Дж. Гиббонса, который построил защиту на оспаривании статуса Гуантанамо и доказывал, что, несмотря на сохранение суверенитета Кубы, база, находящаяся в бессрочной аренде, в сущности, является анклавом США. В результате суд признал, что иностранные граждане, содержащиеся под стражей за пределами Соединенных Штатов без предъявления обвинения, могли оспаривать факт своего заключения в американском гражданском суде [30].

Администрация была вынуждена реагировать, и ее ответ последовал незамедлительно. 7 июля заместитель министра обороны США П. Вулфовиц распорядился создать специальные трибуналы для проверки «корректности» присвоения заключенным статуса «вражеских комбатантов» [41]. Первое заседание трибунала в Гуантанамо (в документах их обычно называли слушаниями) состоялось в августе 2004 г. Его формат ни по каким параметрам не отвечал процессуальным нормам, принятым в американской судебной

системе. В качестве судей выступали три армейских офицера, которые на основании ими же отобранных свидетельств и в отсутствие адвокатов допрашивали заключенного. По итогам слушаний принимали решение либо о присвоении ему статуса «вражеского комбатанта» (его дальнейшую судьбу должны были решать уже военные комиссии), либо о возможности рассмотрения вопроса о его освобождении.

24 августа 2004 г. состоялось первое заседание военной комиссии, но уже в начале ноября федеральный судья Дж. Робертсон вынес постановление, обязывавшее Пентагон приостановить рассмотрение дела С. Хамдана, якобы работавшего шофером у бен Ладена, на основании того, что военные комиссии в той форме, в которой они были сформированы, «являлись незаконными» [23].

29 марта 2005 г. трибуналы отчитались по результатам рассмотрения 558 дел заключенных Гуантанамо: 38 из них подлежали освобождению, оставшиеся 520 были определены как «вражеские комбатанты». Однако с учетом продолжавшегося противостояния президента и судебной власти по проблеме законности созданной Дж. Бушем-мл. военно-юридической системы решить этот вопрос было весьма непросто.

15 июля окружной суд г. Вашингтон, округ Колумбия, единогласно отменил принятое ранее решение судьи Дж. Робертсона, подтвердив президентские полномочия по формированию военных комиссий. Дело «Хамдан против Рамсфелда» «ушло» в Верховный суд, который 7 ноября 2005 г. принял его к рассмотрению. Для того чтобы парировать этот очередной удар со стороны судебной власти, администрации понадобилась помощь законодателей. Через три дня, 10 ноября, Сенат одобрил поправку к закону 2001 г., внесенную сенатором от Южной Каролины республиканцем Л. Грэхэмом и закрывавшую заключенным путь в гражданские суды США [15]. Эта «выпотрошившая» Habeas Corpus Act поправка значительно облегчила следующий шаг администрации. 30 декабря 2005 г. президент подписал «Закон об обращении с заключенными», которым, фактически запретив пытки, в то же время утвердил главную позицию исполнительной власти — вывод их из-под юрисдикции американского правосудия [9].

Начало 2006 г. ознаменовалось событиями, свидетельствовавшими о том, что проблема Гуантанамо вызывает все больший общественный резонанс. В феврале ООН опубликовала доклад, рекомендовавший закрыть тюрьму [37]. Весной и летом в американской и европейской прессе постоянно появлялись сообщения о голодовках и самоубийствах узников. Это, несомненно, способствовало тому, что в исламском мире формировался устойчивый имидж мусульман-мучеников, безвинно удерживаемых американцами в невы-

носимых условиях. Особенно остро определенные слои населения мусульманских стран реагировали на слухи о том, что в тюрьме не редки случаи надругательства над Кораном.

29 июня 2006 г. Верховный суд США вынес окончательное решение по делу С. Хамдана. Вердикт суда гласил: созданная система военных комиссий нарушает американские законы и международное право. Второе важное положение этого решения касалось Женевских конвенций: по мнению судей, заключенные тюрьмы в Гуантанамо подпадали под их действие.

Очередным опровержением решения судебной власти со стороны администрации стал утвержденный Конгрессом и подписанный президентом в октябре 2006 г. закон о военных комиссиях. Его главная цель заключалась в ограничении полномочий федеральных судов по рассмотрению исков от заключенных Гуантанамо. Закон подтверждал право президента на формирование особой системы правосудия для предполагаемых террористов, подробно разъяснял статус «вражеских комбатантов» и лишал их возможности ссылаться на Женевские конвенции [25].

В июне 2008 г. Верховный суд вынес последний и, пожалуй, наиболее важный вердикт за время президентства Дж. Буша-мл. В своем решении по иску алжирца Л. Бумедьена судьи постановили: во-первых, закон о военных комиссиях, исключивший федеральные суды США из процесса расследования дел заключенных Гуантанамо, является неконституционным; во-вторых, узники имеют гарантированное Конституцией право подавать петиции на основании Habeas Corpus Act; в-третьих, «Закон об обращении с заключенными» не является адекватным правовым документом. Суд также признал неубедительной аргументацию правительства, согласно которой действие Конституции США не распространялось на узников тюрьмы: «с практической точки зрения, — постановили судьи, — Гуантанамо — это не заграница» [3].

Фактически решение Верховного суда по делу «Бумедьен против Буша», уничтожив юридическую фикцию, связанную с определением статуса заключенных, должно было прорвать сформированный вокруг них правовой вакуум и, по выражению Б. Обамы, покончить с «черной дырой Гуантанамо» [47]. Однако многие проблемы правового характера оставались нерешенными. Наиболее острыми из них были, например, степень «полноты» прав, вытекающих из Habeas Corpus Act, у заключенных Гуантанамо или вопрос о том, в какой мере отдельные положения Конституции США распространяются на тех, кто не является американским гражданином. Некоторые проблемы имели не только правовой, но и моральный характер. Так, оказалось весьма непросто решить вопрос об освобождении тех 38 узников, которым удалось избежать присвоения статуса

«вражеского комбатанта». Дело в том, что большинство из них правительство США предполагало отправить на родину. В отношении определенного количества заключенных это решение удалось реализовать³. Однако многие узники Гуантанамо, например китайские мусульмане — уйгуры, сами просили не передавать их своим властям и, согласно нормам международного права, не подлежали депортации, поскольку следствием выдачи их Китаю могли стать пытки и отсутствие справедливого судопроизводства⁴. Администрация пыталась избежать обвинений в насильственной депортации и выйти из положения, фактически подменив важное юридическое обязательство требованием «дипломатических гарантий» надлежащего обращения с заключенными от правительств с «плохой» репутацией. Отчетливого представления о том, какими должны быть эти гарантии, у администрации не было. Иногда Белый дом допускал, что принимающие правительства просто давали их устно, иногда представители обеих сторон подписывали составленные в произвольной форме документы, а чаще всего гарантиями становились много раз произнесенные обещания принимающих властей соблюдать внутренние законы своих стран и нормы международного права [18, р. 7].

Тем не менее в значительной степени именно благодаря занятой Верховным судом «антипрезидентской» позиции передвижение узников Гуантанамо началось. В целом с 2002 по 2007 г. через тюрьму прошли 779 заключенных, захваченных американскими войсками в ходе операций в Афганистане и Ираке. После 2007 г. количество узников стабилизировалось (их осталось около 270 человек). Новых заключенных туда не доставляли: администрация, по всей видимости, уставшая спорить с судебной властью, решила, что проще будет отсылать подозреваемых в терроризме лиц в Баграм⁵ или имевшиеся в ведении ЦРУ секретные места заточений в других странах⁶. Однако следует подчеркнуть, что оставшиеся в Гуантанамо заключенные в силу разных причин являли собой самые «трудные» случаи.

³ Например, в 2006—2008 гг. часть заключенных была депортирована в Австралию, Албанию, Боснию, Алжир, Афганистан, Ирак и Сомали [16].

⁴ Представителей китайского этнического меньшинства постепенно, начиная с 2006 г., также переправили в третьи страны. Их приняли Албания, Палау, Швейцария и Швеция. На сегодняшний день в Гуантанамо остаются 5 уйгуров, которые просят переправить их в Турцию. Турецкое правительство, однако, пока не выражает желания их принять.

⁵ Баграм — тюрьма на территории военной базы США в Афганистане, которую часто называют «афганским Гуантанамо», или «Гуантанамо Обамы». В ноябре 2009 г. там было закончено строительство нового, отвечающего современным требованиям безопасности здания, которое способно вместить несколько тысяч человек.

⁶ После 2005 г. в прессе появлялось все больше информации о секретных местах заключения в «неназванных» странах. 20 июля 2007 г. Дж. Буш-мл. подписал специальный указ о продолжении их деятельности [подробнее см.: 32].

В дальнейшем процесс судебных разбирательств замедлился, и хотя Дж. Буш-мл. неоднократно говорил о том, что не собирался возлагать решение самых сложных проблем на плечи своего преемника, оставленное им «наследие», как показало время, стало для администрации Б. Обамы непосильной ношей.

* * *

Конечно, демократы, обещая закрыть тюрьму, понимали, что сделать это будет непросто. О «бесчисленных» препятствиях юридического и организационного характера, а также проблемах безопасности, с которыми придется иметь дело будущему президенту, эксперты работавшего на Б. Обаму мозгового треста — Центра за американский прогресс — говорили еще во время предвыборной кампании. Специальный документ, раскрывавший планы демократов в этом направлении, так и назывался — «Как закрыть Гуантанамо» [19, р. 1]. Однако «подвижки», которые все же произошли в истории тюрьмы за время президентства Дж. Буша-мл., и главное — позиция представителей американской Фемиды, несомненно, внушали будущему президенту определенный оптимизм. К тому же проблема Гуантанамо в том виде, в каком ее формулировали демократы, не только была ярким и привлекательным ходом в избирательной кампании, но и отвечала убеждениям нового президента. Обещая закрыть тюрьму, Б. Обама в первую очередь поднимал проблему нарушения прав человека и отступления США от следования базовым нравственным ценностям и установкам, на которых построено американское общество. Так, по свежим следам комментируя решение Верховного суда по делу Л. Бумедьена, лидер демократов говорил: «Это важный шаг на пути восстановления доверия к нашей стране, к пониманию того, что навязанный ей выбор между борьбой с терроризмом и уважением прав личности не является необходимостью. Более двух веков наши суды неукоснительно руководствовались принципами Habeas Corpus Act, и мы должны сохранять приверженность им во имя свободы, которую защищаем от посягательств экстремистов» [47].

Уже во время предвыборной кампании в 2008 г. в лексиконе демократов утвердился и быстро переключался в американские средства массовой информации новый термин — «политика Гуантанамо». Не стоит полагать, что для окружения Б. Обамы это была лишь предвыборная демагогия. В своей основе заявленная программа в отношении тюрьмы имела не только моральные аргументы, на которые обращали внимание критики администрации. Изучая тексты выступлений ее представителей на протяжении всего времени попыток реализации «политики Гуантанамо», скептически настроенные аналитики, как правило, подчеркивали «морализаторский»

(читай — слабый и демагогический) аспект ее обоснования, не уделяя должного внимания не так часто встречающемуся, но не менее важному словосочетанию «*стратегическая необходимость*» [19].

Справедливости ради отметим, что в отношении тюрьмы на Кубе американский президент, по всей видимости, действительно это словосочетание не любил. Моральные мотивы в его аргументации всегда оставались на первом месте, но это отнюдь не означало, что он как вполне типичный представитель американской либеральной политической мысли не разделял мнения о *стратегической* значимости «политики Гуантанамо». Однако то, что эксперты-международники из будущей администрации имели в виду под словом «стратегия», относилось к категории практически «неосязаемых» и потому плохо «продаваемых» общественности аргументов, и лидер демократов не мог не учитывать этого обстоятельства. Непросто было объяснить электорату, что Гуантанамо, ставшая символом попирающей человеческие права (и без того ненавистной многим) американской гегемонии, наносит ущерб интересам страны. И вопрос не только в абстрактном «имидже» Америки или понимании того, что, реализуя на практике концепцию «глобального лидерства», она сама ограничивает для себя возможности использования «мягкой», или «умной», силы. Все это, скажем прямо, большинство американцев волнует крайне мало. Акцент на моральном аспекте проблемы был необходим демократам для того, чтобы донести до сознания рядового американца важный постулат: политика страны, стремящейся всеми средствами себя обезопасить, мстящей за свою все еще не утихшую боль, но делающей это с позиций «высокомерия силы», столь озлобленно, без соблюдения ею же веками превозносимых принципов свободы, демократии и прав человека, неизменно вызовет ответную реакцию и вновь в той или иной форме «притянет» к себе тот самый «антиамериканизм», который уже не раз давал о себе знать.

Таким образом, объясняя причины необходимости закрытия Гуантанамо, команда будущего президента выходила на проблему важных концептуальных различий в трактовке понятий «национальные интересы» и «безопасность» представителями консервативного и либерального краев американского политического спектра. Для «неоконов» из команды Дж. Буша-мл. степень безопасности американцев измерялась отдаленностью места заключения тех, кого сочли террористами, надежностью замков на их клетках. Любое решение по поводу изменений в Гуантанамо, например освобождение или перевод заключенных с места на место, с их точки зрения, представляло собой потенциальную угрозу. Следовательно, сохранение статус-кво в отношении тюрьмы было гарантией безопасности страны [19]. Экспертам же, работавшим над форми-

рованием основных направлений политики будущего хозяина Белого дома, такое видение проблемы представлялось неграмотным и близоруким. Предложенная ими «политика Гуантанамо», собравшая в один узел целый массив как внутри-, так и внешнеполитических проблем, отражала традиционное для либералов долгосрочное и широкое понимание интересов Соединенных Штатов.

Более глубоким смыслом, чем может показаться на первый взгляд, были наполнены и рассуждения демократов о необходимости соблюдения американских законов и международных правовых норм. Фактически на примере Гуантанамо будущая администрация заявляла о своих намерениях изменить установленные Дж. Бушем-мл. параметры взаимоотношений основных ветвей власти и вернуть американскую политику в «нормальный», предусмотренный Конституцией формат «сдержек и противовесов». Свидетельством признания этой, как они говорили, «новой парадигмы», и должно было стать закрытие тюрьмы [19, р. 2].

* * *

Начало «политики Гуантанамо» было решительным и обнадеживавшим. Есть основания полагать, что в первые месяцы президент пытался руководствоваться разработанным еще во время предвыборной кампании планом, который предусматривал пять этапов [19, р. 2].

На первом демократы предполагали «изменить динамику Гуантанамо». В данном случае слово «динамика», очевидно, имело не только лексическое, но и смысловое значение — миру был послан сигнал о том, что, как только президент-демократ обоснуется в Белом доме, политика глобальной державы кардинально изменится. Эта фаза плана также предусматривала, что последний узник должен покинуть Гуантанамо, а тюрьма — закрыта в течение 18 месяцев со дня инаугурации.

На втором этапе был запланирован перевод «небольшого» количества заключенных в Соединенные Штаты для справедливого суда над ними. Речь при этом шла о «наиболее сложных случаях». Демократы стремились продемонстрировать разрыв с политикой предыдущей администрации и показать миру, что американская гражданская судебная система, а также военные суды вполне способны справиться с задачей выявления виновности (или невиновности) заключенных Гуантанамо.

Третий этап плана предполагал сотрудничество с другими странами по проблеме депортации или перевода узников и по созданию для них реабилитационной программы.

Реализация четвертого этапа заведомо зависела от успешности предыдущих мероприятий, а именно — «демонстрации эффектив-

ности и законности» обычной американской судебной системы в отношении «избранных» заключенных. После вынесения справедливого вердикта (при соблюдении всех прав и существующих юридических норм) следовало, согласно плану, перевезти уже более значительное число задержанных по подозрению в террористической деятельности на территорию Соединенных Штатов для суда над ними. Бывших узников Гуантанамо планировали разместить в специальных пенитенциарных учреждениях с повышенной степенью безопасности наподобие известной тюрьмы «Supermax» в штате Колорадо.

И, наконец, на пятом этапе запланированных демократами действий речь шла о заключенных, которые, как и предполагали заранее авторы, остались бы в Гуантанамо по той причине, что из-за различных юридических препятствий не могли предстать перед судом. В основном это касалось лиц, захваченных в плен в Афганистане. Их планировали сопроводить обратно и держать под строгим надзором на одной из баз НАТО в этой стране. О дальнейшей судьбе этих лиц план умалчивал.

Как уже было отмечено, «динамизм» и решимость команды Б. Обамы проявились буквально в первые часы его пребывания на новом посту. Советник президента по юридическим вопросам Г. Крэг (в свое время возглавлявший адвокатскую команду У. Клинтона по спасению его от импичмента), не дождавшись окончания процедуры инаугурации, покинул Капитолийский холм и в сопровождении полицейского эскорта отправился в Белый дом срочно дорабатывать новые президентские указы по Гуантанамо [8]. Уже 22 января ведущие телекомпании мира с минимальными перерывами давали в эфир кадры, на которых новый американский президент, окруженный ближайшими помощниками, торжественно ставил подпись под первыми официальными актами. Два президентских указа касались кубинской тюрьмы напрямую, один затрагивал проблему косвенно [10—12].

Сначала казалось, что сторонники «политики Гуантанамо» имели все основания для оптимизма: администрация буквально со старта взяла высокий темп и начала действовать с «опережением графика». Это проявилось уже в том, что вместо намеченных 18 месяцев тюрьму решено было закрыть не позднее чем через год. За это время всех узников планировали либо освободить, либо перевести в третьи страны, либо поместить в тюрьмы США. Президент запретил «жесткие методы дознания» и приказал пересмотреть политику в отношении арестов и содержания под стражей в целом. Отдельным указом была создана специальная межведомственная рабочая группа по решению «проблемы Гуантанамо». Генеральному прокурору по-

ручали координацию работы основных государственных структур и ведомств (Министерства юстиции, Министерства обороны, Госдепартамента, Комитета начальников штабов и т.д.) по подготовке всеобъемлющего доклада о статусе всех заключенных. Министру обороны было предписано прекратить деятельность созданных указом Дж. Буша-мл. военных комиссий и обеспечить условия содержания людей в соответствии с требованиями Женевских конвенций. ЦРУ должно было закрыть все секретные тюрьмы для подозреваемых в терроризме (этим был отменен указ Дж. Буша-мл. от 20 июля 2007 г. о продолжении деятельности таких центров). Наконец, в указах было отмечено намерение администрации «сотрудничать с Конгрессом во всех вопросах, касающихся создания правовой базы для перевода заключенных в Соединенные Штаты» [14]. Таким образом, обозначенная в первом пункте плана «динамика» была продемонстрирована: Б. Обама публично отмежевался от наиболее одиозных решений и «авторитаризма» предыдущей администрации.

Международная общественность оценила первые шаги американского правительства весьма позитивно. В частности, правозащитная организация «Amnesty International» опубликовала пространный доклад, содержащий анализ первых 100 дней президентства Б. Обамы в формате проблемы соотношения «борьбы с террором и соблюдение справедливости». Отметив факт выполнения администрацией ряда ранее рекомендованных международными правозащитниками положений, активисты движения еще раз подробно остановились на тех вопросах, которые Белому дому предстояло решить [1].

Однако далее следовать намеченному плану действий по закрытию тюрьмы оказалось сложнее. Довольно скоро Б. Обама, президентские полномочия которого, согласно Конституции страны, ограничивались действующим в американской властной системе принципом «сдержек и противовесов», был вынужден сделать первый шаг к отступлению. При этом если на протяжении процесса «институционализации» Гуантанамо в качестве главного «противовеса» исполнительной власти выступал Верховный суд США, то теперь на пути реализации планов администрации по демонтажу созданной Дж. Бушем-мл. системы встали американские законодатели. Для закрытия тюрьмы нужны были деньги, а их мог дать только Конгресс.

Проблема Гуантанамо стала яблоком раздора между Белым домом и Капитолием практически с самого начала президентства Б. Обамы. Конгресс 110-го созыва, на который Б. Обама мог рассчитывать хотя бы в силу преобладания там демократов, уже не проявлял особого желания сотрудничать с ним по данному вопро-

су. Ситуация еще больше осложнилась после выборов 2010 г., когда республиканцы получили большинство в Палате представителей, лишив демократов очень важного преимущества в Сенате⁷, и фактически предприняли все возможные шаги, чтобы окончательно заблокировать попытки администрации закрыть тюрьму.

Конгресс неоднократно возвращался к вопросам юридического статуса и прав заключенных Гуантанамо, в фокусе внимания американских законодателей были проблемы освобождения узников, их перевода в третьи страны, а также содержания в тюрьмах на территории самих США.

В мае 2009 г. нижняя палата американского парламента отклонила запрос администрации об ассигновании 80 млн долл. на решение проблемы Гуантанамо. Принимая решение о финансировании войн в Ираке и Афганистане, конгрессмены специально оговорили условие, что ни одного доллара из отпущенных денег не должно быть потрачено на перевод заключенных на территорию США. Отдельного внимания законодателей при обсуждении законопроекта потребовала поправка Либермана—Грэхэма, которая запрещала публиковать фотоматериалы, фиксирующие пытки пленников, «даже если этого требует Закон о свободе информации» [40].

15 мая президент публично признал необходимость возобновления работы военных комиссий, пояснив при этом, что он намерен не отменять, а реформировать созданную Дж. Бушем-мл. систему суда над террористами для создания более гуманной процедуры дознания [34]. В октябре 2009 г. глава исполнительной власти утвердил новый закон о военных комиссиях, который формально стал одним из разделов принятого Конгрессом США билля об ассигнованиях на национальную оборону на 2010 финансовый год [39]. В сущности, Б. Обама лишь «подправлял» закон Дж. Буша-мл. от 2006 г.: военным комиссиям было предписано учитывать Статью III Женевских конвенций, запрещено использовать доказательства, добытые с помощью пыток или других методов негуманного обращения с заключенными, с гражданских судов США был снят запрет на рассмотрение петиций, поданных узниками на основании Habeas Corpus Act.

Содержание указов от 22 января 2009 г. отвечало задачам и второй фазы намеченной демократами «политики Гуантанамо», касавшейся «наиболее сложных случаев». На одной из пресс-конференций в Министерстве юстиции генеральный прокурор Э. Холдер, по поручению президента работавший над созданием юридической базы для организации публичного судебного процесса над узниками

⁷ Речь идет о возможности использования обструкционистской тактики (filibuster-proof majority).

тюрьмы в формате правовой системы США, объявил, что в указанную категорию попадает Х. Мохаммад — предполагаемый организатор террористических атак 11 сентября [27]. Сложность его дела объяснялась не только особой опасностью преступника, но еще и тем, что его признания были получены под пытками — в результате практикуемой в Гуантанамо «имитации утопления». В ноябре 2009 г. генеральный прокурор заявил, что Х. Мохаммад в числе других предполагаемых участников событий 11 сентября (всего их было пятеро) предстанет перед федеральным судом г. Нью-Йорка [27]. Решение было продуманным: процесс над «главным» узником Гуантанамо должен был стать показательным. Именно этим в значительной степени объяснялся и выбор места. Х. Мохаммада должны были привезти в суд южного района города, здание которого находится в нижнем Манхэттене, рядом с Уолл-Стрит, в самом сердце деловой и финансовой Америки и в непосредственной близости от «нулевой отметки» (Ground Zero). Это место всегда имело для американцев особое значение, а после сентября 2001 г. оно стало для них и символом национальной трагедии.

Решение Э. Холдера вызвало бурю возмущения как в самом Нью-Йорке, так и во всей стране. Протест выразили мэр города, губернатор штата, представители Уолл-Стрита, многие законодатели, рядовые американцы [28]. Аргументация звучала убедительно: символический процесс мог превратить Манхэттен и Нью-Йорк в целом, и без того достаточно уязвимый с точки зрения безопасности, в необычайно привлекательную мишень для новой атаки террористов. Не реагировать на эти выступления администрация не могла. Результатом стало решение генерального прокурора отложить суд над главным подозреваемым на неопределенное время.

Профессионалы из юридической команды Б. Обамы выражали сожаление по поводу того, что решение администрации провести суд над Х. Мохаммадом в США было воспринято главным образом в увязке с проблемой прав человека и рассматривалось республиканцами как проявление «слабости» в отношении «Аль-Каиды». Указывая на очевидную ясность и эффективность устоявшейся схемы взаимодействия системы государственного обвинения, федеральных судей и уголовно-процессуального кодекса, юристы действующей администрации подчеркивали неопределенность и неполноту полномочий военных комиссий, решения которых всегда оставляют лазейки для их отмены и пересмотра. Стремление Конгресса и многочисленных представителей общественности поддержать идею военных комиссий для суда над Х. Мохаммадом представлялось команде президента неверным уже хотя бы потому, что эти структуры не имели четко оговоренного права выносить

осужденным смертный приговор⁸. «Если вы действительно заинтересованы в том, чтобы Х. Мохаммад и ему подобные понесли заслуженное наказание, вы должны поддержать предложенную Э. Холдером схему», — говорил советник президента по правовым вопросам Г. Крэг.

Параллельно администрация работала над решением задачи по переводу заключенных Гуантанамо в американские пенитенциарные учреждения, что опять-таки предполагало преодоление многочисленных трудностей. Помимо проблем, связанных с огромными затратами (соблюдением всех мер безопасности и надзором), у юристов оставались сомнения по поводу правомочности исполнительной власти принимать подобное решение в принципе: американское иммиграционное законодательство запрещает въезд на территорию США лиц, «имеющих отношение к террористической деятельности» [подробнее см.: 13]. Тем не менее, не дожидаясь разъяснений по этим вопросам, администрация начала поиск нового места для узников Гуантанамо на территории Соединенных Штатов.

В какой-то момент могло показаться, что проблема близка к разрешению: власти нескольких штатов (в частности, Иллинойса, Колорадо и Монтаны) заявили о готовности принять заключенных. Такая заинтересованность объяснялась довольно просто: учреждение тюрьмы сулило новые рабочие места, что в условиях продолжавшегося экономического кризиса было немаловажно. Выбор администрации остановился на исправительном учреждении строгого типа в небольшом городке Томпсон, расположенном примерно в 240 км от Чикаго. Тюрьма была построена на средства штата в 2001 г., но полностью так и не открылась: осенью 2009 г. в учреждении, рассчитанном на 1600 камер, содержали лишь 200 человек, приговоренных к заключению общего режима. Бывшие узники Гуантанамо должны были находиться вместе с американскими осужденными. Однако открыть для них тюрьму можно было только после утверждения Конгрессом финансирования этих мер.

В декабре 2009 г., после того как высший законодательный орган США одобрил перевод заключенных Гуантанамо на территорию Соединенных Штатов для суда над ними (специально оговорив при этом, что даже в случае оправдания им нельзя будет оставаться в Америке), Б. Обама подписал президентский меморандум, обязавший федеральное правительство в лице генерального прокурора

⁸ С такой практически тупиковой ситуацией военная комиссия в Гуантанамо столкнулась, когда Х. Мохаммад и несколько других заключенных признали себя виновными в организации терактов. Согласно американскому уголовному праву, судья может выносить смертный приговор после признания подсудимого, однако во вновь созданной системе военных комиссий это положение не оговорено.

Э. Холдера и министра обороны Р. Гейтса рассмотреть возможность приобретения тюрьмы в штате Иллинойс за 350 млн долл. [16]. Однако скоро стало ясно, что реализовать свое намерение администрации не удастся.

В январе 2010 г. команда сторонников «политики Гуантанамо» понесла ощутимую потерю: покинул свой пост главный советник президента по юридическим вопросам Г. Крэг, с именем которого американская пресса связывала «ранние успехи реализации либеральной повестки Обамы» [5]. Отставка была вызвана напряжением, возникшим между ним и руководителем аппарата Белого дома Р. Эмануэлем. Последний с явным раздражением реагировал на энтузиазм Г. Крэга по поводу закрытия тюрьмы на Кубе. Объясняя степень «насыщенности» президентской повестки, Р. Эмануэль обращался к аналогии переполненного самолетами аэропорта: «Мы пытаемся посадить два огромных 747-х (я имею в виду войны в Ираке и Афганистане), одновременно мы реформируем национальную систему здравоохранения, а Вы посреди всего этого хотите поднять в воздух стаю канадских гусей, которая может какой-нибудь из наших боингов погубить» [21]. С уходом Г. Крэга в окружении президента усилилось влияние сторонников более прагматичного подхода к проблеме закрытия тюрьмы.

Пробуксовку давали и планы демократов по переводению заключенных в другие страны: бесчисленные юридические и моральные сложности, а также соображения безопасности оборачивались непреодолимыми препятствиями на пути реализации этих планов. Фактически работа, проведенная созданной президентом специальной группой, желаемых результатов не дала. Ее итоги можно было бы квалифицировать как промежуточные, однако отсутствие ясной перспективы в отношении будущего людей, судьбы которых оказались в фокусе деятельности этой межведомственной группы, даже такую оценку делают сомнительной. Решение об оставшихся на момент прихода в Белый дом администрации демократов 240 заключенных было представлено в отчете рабочей группы под руководством Э. Холдера. Подготовка данного документа была завершена 22 января 2010 г. [17]. Всех узников Гуантанамо разделили на несколько категорий (важно отметить, что ни один из них не подлежал освобождению). К первой относились 126 человек, которых было решено под строжайшей охраной перевезти в другие государства (либо на родину, либо в третьи страны). Особую категорию составляли граждане Йемена (их было 30 человек): они решением межведомственной группы подлежали «условному освобождению» — американцы просто хотели от них избавиться. Эти заключенные не относились к «особо опасным» (остальные, более «опасные» йеменцы были распределены между другими категори-

ями), но поскольку власти Йемена, определяемого Вашингтоном как «несостоявшееся государство», надлежащий надзор за ними обеспечить не могли, возвращать предполагаемых террористов на родину, где позиции «Аль-Каиды» были особенно сильными, администрация не хотела⁹. Сторонники «политики Гуантанамо» планировали в будущем переправить этих узников в какую-либо третью страну, которая могла бы гарантировать надежную охрану и в то же время соблюдение прав человека. Однако европейские государства, общественность которых в свое время весьма активно выступала в защиту прав заключенных кубинской тюрьмы, особого желания принять их на своей территории не выказывали, а для перевода узников в страны, выразившие такую готовность, зачастую нужно было провести переговоры и получить дипломатические гарантии, при этом их процедура, как отмечено ранее, была не ясна. Таким образом, судьба этих заключенных оставалась совершенно неопределенной.

К следующей категории относились 36 предполагаемых террористов, которые должны были предстать перед федеральным судом или реформированными в соответствии с указом Б. Обамы военными комиссиями.

Еще одна категория (48 человек) была составлена по двум критериям: особого риска «передислокации» и беспрецедентной юридической «тупиковости» казуса. Против этих заключенных, которые, по многочисленным разведывательным данным и имевшейся (вполне проверенной) информации, действительно были наиболее опасными преступниками, невозможно было выдвинуть обвинение. Подавляющее большинство из них были захвачены в плен во время военных действий в Афганистане или на пакистанской границе. Естественно, в условиях реальных боевых действий никто не думал о соблюдении процессуальных норм, т.е. уголовных дел на них не заводили и следствие в необходимом порядке не вели. В результате с юридической точки зрения сложилась безвыходная ситуация: имевшиеся разведанные в качестве доказательств в суде представлены быть не могли (хотя бы потому, что нельзя было оглашать имена тех, кто предоставлял необходимую информацию или давал показания — эти люди становились слишком уязвимыми для «Аль-Каиды»), а иных свидетелей (или свидетельств) просто не существовало. Межведомственная группа столкнулась с юридическими препятствиями и несколько иного плана: даже когда в отношении заключенного имелись неопровержимые доказательства

⁹ 5 января 2010 г. после неудавшейся попытки террористов «Аль-Каиды» взорвать самолет компании «Northwest Airlines», следовавший из Амстердама в Детройт (Detroit Christmas Day bomber), президент Б. Обама распорядился приостановить перевод заключенных из Гуантанамо в Йемен.

того, что он принадлежал к террористической сети «Аль-Каиды» (например, обучался в тренировочных лагерях организации, занимал определенную позицию в ее иерархии и т.д.), зачастую было невозможно сформулировать обвинение в причастности данного лица к конкретному террористическому акту [17]. Решение группы предполагало, что эти заключенные останутся в тюрьме на Кубе до тех пор, пока для США сохраняется угроза терроризма, т.е. фактически «бессрочно».

Вопрос о том, как сторонники «политики Гуантанамо» будут распутывать этот проблемный клубок, вскоре потерял свою актуальность, поскольку Конгресс избавил их от необходимости ломать над этим голову. В мае 2010 г. произошло событие, которое президент, приступая к реализации своих планов, вряд ли мог ожидать: контролируемый демократами Комитет по вооруженным силам Палаты представителей проголосовал против открытия тюрьмы на территории США [33]. В целом голосование по проблеме Гуантанамо в обеих палатах Конгресса выявило позицию большинства законодателей. Они считали, что террористов необходимо содержать в тюрьме военного типа. Пентагон, по их мнению, обязан предоставить военных судей и военных защитников для определения статуса заключенных и гарантировать, что «боевики» окажутся надолго и надежно запертыми, а перевод узников в третьи страны нужно осуществлять ограниченно и только после тщательных проверок. Общий вывод сводился к следующему: Гуантанамо является вполне подходящим для этих целей местом, и закрывать тюрьму нецелесообразно.

Таким образом, законодатели фактически продемонстрировали двухпартийную оппозицию «политике Гуантанамо». Тем не менее основную вину за блокировку планов Белого дома администрация Б. Обамы возлагала на республиканцев. 25 июня 2010 г. в традиционной «пятничной свалке» плохих новостей, гарантирующей минимальное внимание читательской аудитории, особенно в середине лета, «The New York Times» отметила факт невыполнения президентом своих обещаний, «извинив» его за это и объяснив трудности, связанные с проблемой Гуантанамо, партийной оппозицией и наличием более серьезных политических приоритетов. Комментируя указанные трудности, газета высказала мнение о том, что закрытие тюрьмы до конца президентского срока 2013 г. выглядит все более невероятным [29].

На состоявшейся в сентябре 2010 г. большой пресс-конференции Б. Обама признал, что Гуантанамо — редкий случай невыполнения его предвыборных планов. «Вы знаете, мы успешно реализовали многие наши обещания, — сказал он. — Гуантанамо — это то, где мы не оправдали ожиданий. Я хотел закрыть тюрьму раньше.

Мы пропустили обещанный срок. Но это не потому, что мы не предприняли достаточных усилий. Это произошло потому, что проблема оказалась сложной» [45]. Посвятив вопросам журналистов о Гуантанамо и планах администрации в отношении Х. Мохаммада значительную часть пресс-конференции, Б. Обама в очередной раз подтвердил намерения «сотрудничать как с демократами, так и с республиканцами» по вопросу закрытия тюрьмы, напомнил о постоянном стремлении «Аль-Каиды» использовать Гуантанамо в качестве «оправдания новых атак против США» и выразил уверенность в том, что американская «система правосудия обладает всеми необходимыми механизмами для предотвращения нападений со стороны террористов» [45].

Однако конец осени 2010 г. принес президенту новые разочарования. Стало ясно, что намеченные первоначальным планом демократов перевод основного количества заключенных на территорию США и размещение их в пенитенциарных учреждениях с повышенной степенью безопасности оказались заведомо невыполнимыми, поскольку администрации не удалось (как это планировалось в период предвыборной кампании) продемонстрировать «эффективность и результативность» американской судебной системы в случаях с «избранными» заключенными Гуантанамо. Окончательно Белый дом убедился в этом в ноябре 2010 г., когда в федеральном суде г. Нью-Йорка завершился процесс в отношении гражданина Танзании А. Гайлани. Против него еще в 1998 г. заочно было выдвинуто обвинение в участии в террористических атаках на американские посольства в Кении и Танзании, в результате чего погибли более 200 человек. Преступнику долгое время удавалось скрываться, однако в 2004 г. он был схвачен на территории Пакистана и властями этой страны передан США. С 2006 г. А. Гайлани находился в Гуантанамо.

Решение суда по этому делу произвело эффект, подобный разорвавшейся бомбе: несмотря на очевидность виновности подсудимого, он был оправдан практически по всем пунктам! Коллегия присяжных не сочла возможным с абсолютной уверенностью признать его причастность к убийству людей и утвердила лишь одно (незначительное по сравнению с другими) обвинение в участии в заговоре по подготовке теракта. Обескураживающий вердикт по делу А. Гайлани практически парализовал дальнейшие усилия сторонников «политики Гуантанамо». В сущности, кроме заверений в намерении добиваться закрытия служащей «рекламой “Аль-Каиды”» тюрьмы администрация ничего предложить не могла¹⁰.

События конца 2010 — начала 2011 г. окончательно подвели черту под тщетными усилиями Белого дома в этом направлении.

¹⁰ 25 января 2011 г. А. Гайлани был приговорен к пожизненному заключению.

После того как Конгресс проголосовал за новый оборонный бюджет страны, президент был вынужден подписать закон, предусматривавший запрещение использования средств Министерства обороны на перевод заключенных Гуантанамо в Соединенные Штаты [22]. Закон также оговаривал ограничения, существенно затруднявшие процедуру передачи пленных другим странам, в частности запрещал перевозить узников без одобрения министра обороны и государственного секретаря США, которые должны были убедиться в том, что принимающая страна не только «желает» разместить у себя бывших заключенных американской спецтюрьмы, но и имеет возможности предотвратить их будущее вовлечение в какие-либо направленные против США действия. По практически единодушным оценкам экспертов, в том числе исследовательской службы Конгресса США, этот закон стал «самым труднопреодолимым препятствием на пути реализации обещаний исполнительной власти закрыть тюрьму в Гуантанамо» [14].

Подписывая законопроект, Б. Обама был явно расстроен. Поясняя свою позицию, он сказал: «Несмотря на мое серьезное несогласие с данными пунктами, <...> я подписал этот закон, понимая необходимость и важность финансирования нашей деятельности в сфере обороны в 2011 г. Тем не менее моя администрация продолжит работать с Конгрессом в поисках возможностей аннулирования этих ограничений и смягчения их эффекта» [31].

После серии «запретительных» биллей парламента термин «политика Гуантанамо» если и употребляли, то все чаще с определением «новая». Главное положение этой «новой» политики, как справедливо подметил эксперт американского Совета по международным отношениям М. Уоксмэн, сводилось к тому, что «Гуантанамо останется открытой на долгие времена» [24], а политическим и юридическим выражением стал указ президента от 7 марта 2011 г., который должен был подчеркнуть стремление администрации Б. Обамы создать «законный, стабильный и основанный на правовых принципах режим содержания под стражей до тех пор, пока не появится возможность закрыть учреждение» [44]. Возможно, этот шаг был действительно важен Белому дому для того, чтобы продемонстрировать решимость делать «хотя бы что-то». Однако что касается «законного и стабильного режима», то большинство экспертов сошлись во мнении о «неопределенности» созданной Б. Обамой системы правосудия в Гуантанамо. Указ требовал периодического пересмотра полномочий и действий исполнительной власти в отношении каждого конкретного заключенного. Важно отметить, что процедура проверок не предполагала пересмотра законности содержания под стражей. Речь шла лишь о том, оправдано ли дальнейшее заключение с точки зрения интересов безопасности США.

Заключенные теперь могли подавать иски в американский суд, основанные на Habeas Corpus Act, но это отнюдь не гарантировало их удовлетворения. Указ возобновлял деятельность военных комиссий и в первую очередь касался тех лиц, которые из-за проблем с доказательной базой не могли предстать ни перед военным, ни перед гражданским судом. Координировать такие периодические перепроверки было поручено министру обороны и генеральному прокурору США. Характерно, что финальный абзац закона запрещал перевод заключенных Гуантанамо в Соединенные Штаты.

В целом содержание последнего документа свидетельствовало о том, что по прошествии двух лет «политика Гуантанамо» администрации Б. Обамы вернулась на исходные позиции. В апреле 2011 г. генеральный прокурор Э. Холдер объявил, что Х. Мохаммада и четырех других наиболее опасных заключенных будут судить военные комиссии. В США это заявление было воспринято (совершенно обоснованно) как признание администрацией своего поражения.

* * *

По данным на сентябрь 2011 г., в Гуантанамо находится 171 заключенный. Около 1700 человек без суда и следствия, без возможности получить заслуженное наказание или доказать свою невиновность томятся в Баграме. Эти цифры свидетельствуют о том, что обещание Б. Обамы вернуть Америку к «базовым нравственным ценностям» так и осталось невыполненным. Оказавшись лицом к лицу с «навязанной» стране альтернативой «борьба с терроризмом vs уважение прав человека», президент был вынужден сделать выбор, противоречивший его личным и политическим убеждениям.

Конечно, нельзя сказать, что «политика Гуантанамо» дала нулевые результаты — это не так. Запрещено применение «усиленных» методов допроса, закрыты находившиеся в ведении ЦРУ тайные лагеря для заключенных, открыты публике прежде засекреченные документы, пересмотрены некоторые «чрезвычайные» полномочия исполнительной власти. Все это время демократы действительно старались выполнить данное американцам обещание покончить с практиковавшейся прежней администрацией политикой в стиле «не говори — не спрашивай». Однако если говорить об итогах «большой» войны, предполагавшей, с их точки зрения, единственный финал — закрытие тюрьмы, то приходится признать, что президент проиграл практически «всухую».

Несмотря на то что в настоящее время, в преддверии президентских выборов, тему Гуантанамо во властных коридорах Вашингтона предпочитают затрагивать как можно меньше, проблема

сохраняет свою актуальность и остроту. Ее периодические «всплески» продолжают волновать американское общество. Так, например, случилось прошлой весной, когда небезызвестный WikiLeaks организовал утечку тысяч секретных страниц из документальных файлов Пентагона, датированных «дообамовским» периодом и проливавших свет на условия жизни заключенных Гуантанамо, а также абсолютно хаотичный процесс оценки их статуса. Однако поднявшаяся было новая волна возмущения по поводу прав человека и сочувствия узникам тюрьмы вскоре захлебнулась: буквально через пару недель, после уничтожения в Пакистане «террориста номер один», в США стали обсуждать проблему с совершенно иного ракурса. Теперь в фокусе осмысления политиков и общественности оказались данные о том, что информация, полученная путем «усиленной техники допроса» находящихся в Гуантанамо террористов (точнее — с применением «имитации утопления»), в конечном счете и привела американские спецслужбы в крепость бен Ладена в Абботабаде.

Все это говорит о том, что рано или поздно возвращаться к проблеме Гуантанамо придется. Вернется ли к ней Б. Обама? Совершенно очевидно, что до ноября 2012 г. этого не произойдет, а дальше ответ на этот вопрос будет зависеть от многого, но в первую очередь от того, дадут ли выборы 2012 г. шанс нынешнему президенту отыграть у республиканцев хотя бы несколько очков. Так или иначе, но сегодня очевидно одно: история Гуантанамо на этом не заканчивается, ее продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Amnesty International. Mixed Messages. Counter Terror and Human Rights — President Obama's First 100 days. Counter Terror with Justice. April 2009 [Electronic resource] // Amnesty International [Official website]. URL: <http://www.amnesty.org/en/library/asset/AMR51/043/2009/en/b5ea3f7f-1955-40c0-b5bb-108492f902f3/amr510432009en.pdf> (accessed: 25.08.2011).
2. Authorization for Use Military Force, P.L. 107-40 [S.J. Res. 23]. September 18, 2001 [Electronic resource] // FindLaw [Web-portal]. URL: <http://news.findlaw.com/wp/docs/terrorism/sjres23.es.html> (accessed: 25.08.2011).
3. Boumediene v. Bush. 553 U.S. 723 (2008) [Electronic resource] // Cornell University Law School [Official website]. URL: <http://www.law.cornell.edu/supct/ttml/06-1195ZD1.html> (accessed: 23.08.2011).
4. *Bush G.W.* Memorandum to the Vice President et al. February 7, 2002 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: www.whitehouse.gov/news/releases/2002/02/20020207-13.html (accessed: 17.08.2011).
5. *Calabresi M., Weisskopf M.* The Fall of Greg Craig, Obama's Top Lawyer // Time. November 19, 2009.
6. *Cheney R.* In My Time: A Personal and Political Memoir. N.Y.: Simon and Schuster, 2011.

7. Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CAT). 1984 [Electronic resource] // Human Rights Web [Web-portal]. URL: www.hrweb.org/legal/cat.html (accessed: 23.08.2011).

8. *Cooper H.* The Race to the White House. January 20, 2009 [Electronic resource] // The New York Times [Official website]. URL: <http://thecaucus.blogs.nytimes.com/tag/gregory-b-craig> (accessed: 17.08.2011).

9. The Detainee Treatment Act of 2005 (H.R. 2863, Title X) [Electronic resource] // University of Pittsburgh, School of Law [Official website]. URL: <http://jurist.law.pitt.edu/gazette/2005/12/detainee-treatment-act-of-2005-white.php> (accessed: 17.08.2011).

10. Executive Order 13491, Ensuring Lawful Interrogation, 74 Fed. Reg. 4891-4896. January 22, 2009 [Electronic resource] // American Presidency Project [Official website]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=85669#axzz1aktuhCdh> (accessed: 24.08.2011).

11. Executive Order 13492, Review and Disposition of Individuals Detained at the Guantanamo Naval Base and Closure of Detention Facilities, 74 Fed. Reg. 4897-4900. January 22, 2009 [Electronic resource] // American Presidency Project [Official website]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=85670#axzz1aktuhCdh> (accessed: 27.08.2011).

12. Executive Order 13493, Review of Detention Policy Options, 74 Fed. Reg. 4901-4902. January 22, 2009 [Electronic resource] // American Presidency Project [Official website]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=85671#axzz1aktuhCdh> (accessed: 24.08.2011).

13. *Garcia M.G.* Immigration: Terrorist Grounds for Exclusions and Removal of Aliens. Congressional Research Service Report RL32564. January 12, 2010 [Electronic resource] // Federation of American Scientists [Official website]. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/homesecc/RL32564.pdf> (accessed: 16.08.2011).

14. *Garcia M.J., Elsea J.K., Mason R.C., Liu E.C.* Closing the Guantanamo Detention Center: Legal Issues. Congressional Research Service Report R40139. March 28, 2011 [Electronic resource] // OpenCrs [Web portal]. URL: http://assets.opencrs.com/rpts/R40139_20110328.pdf (accessed: 27.08.2011).

15. Graham Amendment Passes: Habeas Corpus Guttled [Electronic resource] // Center for Constitutional Rights [Official website]. URL: <http://ccr-justice.org/newsroom/press-releases/graham-amendment-passes%3A-habeas-corpus-guttled> (accessed: 23.08.2011).

16. Guantanamo Bay Timeline [Electronic resource] // The Washington Post [Official website]. URL: <http://projects.washingtonpost.com/guantanamo/timeline/> (accessed: 16.08.2011).

17. Guantanamo Review Task Force. Final Report. January 22, 2010 [Electronic resource] // U.S. Department of Justice [Official website]. URL: <http://www.justice.gov/ag/guantanamo-review-final-report.pdf> (accessed: 23.08.2011).

18. Guantanamo: Violation of Human Rights and International Law. Council of Europe. September 2007.

19. *Gude K.* How to Close Guantanamo. June 2008 [Electronic resource] // Center for American Progress [Official website]. URL: <http://www.american-progress.org/issues/2008/06/pdf/guantanamo.pdf> (accessed: 17.08.2011).

20. *Hamdi v. Rumsfeld*, 542 U.S. 507 (2004) [Electronic resource] // Cornell University Law School [Official website]. URL: <http://www.law.cornell.edu/supct/html/03-6696.ZS.html> (accessed: 25.08.2011).

21. *Hutchins M.W.* Former White House Counsel Greg Craig Recounts Struggle over Guantanamo. Early Administration Official Shares Thoughts on Terror Trials, Service in Obama Administration. April 2010 [Electronic resource] // The Harvard Law Record [Official website]. URL: <http://www.hlrecord.org/news/former-white-house-counsel-greg-craig-recounts-struggle-over-guantanamo-1.1372190#.TpbAWJv7Yv0> (accessed: 17.08.2011).
22. Ike Skelton National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2011 (H.R. 6523, P.L. No. 111-383) [Electronic resource] // GOP.gov — The Website of the Republican Majority in Congress. URL: <http://www.gop.gov/bill/111/2/hr6523> (accessed: 18.08.2011).
23. Judge Says Detainee Trials are Unlawful // The Washington Post. November 9, 2004.
24. *Masters J.* Closing Guantanamo? Background, Council on Foreign Relations [Electronic resource] // Council on Foreign Relations [Official website]. URL: <http://www.cfr.org/terrorism-and-the-law/closing-guantanamo/p18525> (accessed: 17.08.2011).
25. Military Commissions Act of 2006. Public Law 109-366. October 17, 2006 [Electronic resource] // Library of Congress [Official website]. URL: http://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/PL-109-366.pdf (accessed: 15.08.2011).
26. Military Order — Detention, Treatment, and Trial of Certain Non-Citizens in the War against Terrorism, November 13, 2001, 66 Fed. Reg. 57833. November 16, 2001 [Electronic resource] // FindLaw [Web portal]. URL: <http://www.news.findlaw.com/cnn/docs/terrorism/bushtribunalord111301.html> (accessed: 27.08.2011).
27. *Mills D.* Accused 9/11 Mastermind to Face Civilian Trial in NY // The New York Times. November 13, 2009.
28. NY Mayor Opposes Guantanamo Trial in City. January 27, 2010 [Electronic resource] // Google.com. URL: <http://www.google.com/hostednews/afp/article/AlegM5H8rg3yeo5SLDISNV2CX2Gvsg> (accessed: 14.08.2011).
29. *Perry R.* Closing Guantanamo Fades as a Priority // The New York Times. June 25, 2010.
30. *Rasul v. Bush* (03-334), 542 U.S. 466 (2004) [Electronic resource] // Cornell University Law School [Official website]. URL: <http://www.law.cornell.edu/supct/html/03-334.ZS.html> (accessed: 17.08.2011).
31. *Richey W.* Obama Blasts Congress's Limits on Guantanamo Transfers [Electronic resource] // The Christian Science Monitor [Official website]. January 7, 2011. URL: <http://www.csmonitor.com/USA/Justice/2011/0107/Obama-blasts-Congress-s-limits-on-Guantanamo-transfers> (accessed: 17.08.2011).
32. *Sands Ph.* Lawless World. L.: Penguin Books, 2005.
33. *Savage Ch.* House Panel Rejects a Plan to Shift Detainees to Illinois // The New York Times. May 20, 2010.
34. *Shean M.D., Finn P.* Obama to Revamp Military Tribunals // The Washington Post. May 15, 2009.
35. The Stamp of Guantanamo. Human Right Watch Report. March 2007. Vol. 19. № 2 (D). N.Y., 2007.
36. The Torture Papers: The Road to Abu Ghraib // Ed. by R. Greenberg, J. Drate. N.Y.: Cambridge University Press, 2005.

37. United Nations. Human Rights Experts Issue Joint Report on Situation of Detainees in Guantanamo Bay. February 16, 2006 [Electronic resource] // United Nations, Office of the High Commissioner for Human Rights [Official website]. URL: <http://www.unhchr.ch/hurricane.nsf/0/52E94FB9CB C7DA10C1257117003517B3?opendocument> (accessed: 25.08.2011).

38. U.S. Army Field Manual. Intelligence Interrogation (FM 34-520). May 8, 1987 [Electronic resource] // GlobalSecurity.org [Web portal]. URL: <http://www.globalsecurity.org/intell/library/policy/army/fm/fm34-52/> (accessed: 23.08.2011).

39. U.S. Congress. Military Commission Act of 2009 — Title XVIII of the National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2010 (P.L. 111-84, H.R. 2647, 123 Stat. 2190). Enacted October 28, 2009 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense [Official website]. URL: <http://www.defense.gov/news/2009%20MCA%20Pub%20%20Law%20111-84.pdf> (accessed: 17.08.2011).

40. U.S. Congress. Supplemental Appropriations Act, 2009 (P.L. 111-32) [Electronic resource] // OpenCongress [Web portal]. URL: <http://www.opencongress.org/bill/111-h2346/show> (accessed: 15.08.2011).

41. U.S. Department of Defense. Combatant Status Review Tribunals [Official website]. URL: http://www.defense.gov/news/combatant_Tribunals.html (accessed: 16.08.2011).

42. U.S. Department of Defense. Military Commission Order № 1. March 21, 2002 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense [Official website]. URL: <http://www.defence.gov/news/Mar2002/d20020321> (accessed: 27.08.2011).

43. *White E.* Obama Says Gitmo Facility Should Close // The Washington Post. July 24, 2007.

44. The White House. Executive Order — Periodic Review of Individuals Detained at Guantánamo Bay Naval Station Pursuant to the Authorization for Use of Military Force. March 07, 2011 [Electronic resource] // American Presidency Project [Official website]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=90034#axzz1aktuhCdh> (accessed: 17.08.2011).

45. The White House. Press Conference by President Obama, September 10, 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2010/09/10/press-conference-president-obama> (accessed: 24.08.2011).

46. Working Group Report on Detainee Interrogations in the Global War on Terrorism: Assessment of the Legal, Historical, Policy, and Operational Conditions. March 6, 2003 [Electronic resource] // FindLaw [Web portal]. URL: <http://news.findlaw.com/hdocs/docs/torture/30603wgrpt.html> (accessed: 17.08.2011).

47. *Zernike K.* McCain and Obama Split on Justices' Guantanamo // The New York Times. June 13, 2008.